

Зомбарт Вернер

Пролетариат
Очерки и этюды

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
В35

В35 **Вернер З.**
Пролетариат: Очерки и этюды / Зомбарт Вернер – М.: Книга по Требованию, 2024. –
97 с.

ISBN 978-5-519-86365-0

ISBN 978-5-519-86365-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1½ милліона. Это составило бы около 5 милліоновъ, или, включая семейства, около ⅙ всего населенія.

Но несомнѣнно многія «ремесленныя» производства, съ количествомъ рабочихъ менѣе 20-ти, принадлежатъ къ капиталистическимъ предпріятіямъ. Въ такихъ предпріятіяхъ съ количествомъ рабочихъ отъ 6 до 20 человѣкъ, которыя въ смыслѣ принадлежности къ капиталистическимъ еще большей частью находятся подъ вопросомъ, было занято по найму (1895 г.) 126,220 служащихъ и 1,224,006 рабочихъ. Если прибавить къ нимъ еще круглымъ счетомъ 650,000 сельскохозяйственныхъ рабочихъ, то получится 2,000,000, которые повысятъ цифру несомнѣнныхъ чистокровныхъ пролетаріевъ до 7,000,000. Это составитъ около 33⅓% всего населенія, такъ что можно сказать: классъ настоящаго пролетаріата составляетъ отъ ⅓ до ⅙ всего населенія. И несомнѣнно эти составныя части населенія являются продуктомъ послѣдняго столѣтія. Теперь отъ ⅙ до ⅓! Тогда какъ Марксъ уже въ 1847 г. говорилъ: «Пролетарское движеніе есть самостоятельное движеніе огромнаго большинства». Это было, конечно, по тому времени даже для западно-европейскихъ странъ «огромнымъ» преувеличеніемъ, по крайней мѣрѣ если понимать пролетаріатъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ это и дѣлаетъ Марксъ.

Совершенно иная получается картина, коль скоро къ этимъ чистокровнымъ пролетаріямъ прибавить безчисленное количество полукровныхъ. Подъ послѣдними я понимаю всѣхъ,—скажу разъ навсегда,—неимущихъ, лишенное собственности населеніе, il popolo, peuple, въ томъ обширномъ

смыслѣ, какъ его подразумѣвалъ въ дѣйствительности Луи Бланъ, самъ того не сознавая, когда онъ этимъ словомъ обозначалъ гражданъ, qui ne possédant pas de capital dépendent d'autrui complètement, включая сюда совсѣмъ мелкихъ «самостоятельныхъ» сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ, которыхъ будетъ правильно назвать пролетаріями.

Принимая снова во вниманіе уже сосчитанныхъ чистокровныхъ пролетаріевъ, мы получаемъ изъ статистическихъ цифръ о профессіяхъ и промыслахъ 1895 г. слѣдующій расчетъ пролетарскихъ и пролетароидныхъ элементовъ въ Германіи:

1) Всѣхъ лицъ, занятыхъ за плату въ промышленности, торговлѣ, средствахъ сообщенія и сельскомъ хозяйствѣ, включая служащихъ . . .	13.438.377
Ихъ семействъ	12.327.571
2) Наемныхъ рабочихъ переменнаго характера, домашней прислуги и т. д.	432.491
Ихъ семействъ	453.041
3) Всѣхъ низшихъ чиновниковъ (лица съ группы Естатистики профессій), включая унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ	769.822
Ихъ семействъ	270.249
4) Прислуги (Dienstboten)	1.339.316
5) Мастеровъ-одиночекъ (Alleinmeister im Gewerbe)	1.035.580
Ихъ семействъ	1.671.468

6) Одиночныхъ самостоятельныхъ хозяевъ (Einzelnselbständige) («производства съ однимъ лицомъ») въ домашней промышленности . . .	232.033
Ихъ семействъ	258.232
7) То-же въ торговлѣ и путяхъ общенія	453.805
Ихъ семействъ	791.372
8) Сельскихъ хозяевъ съ земельной площадью менѣе 2 гектаровъ .	525.297
Ихъ семействъ	1.107.659
Итого «простонародья», «рабочаго населенія»	35.106.313,
или 67.5 ⁰ %, нѣсколько больше $\frac{2}{3}$ всего населенія.	

Это, правда, еще не «огромное», но все же значительное большинство населенія: приблизительно тотъ приростъ населенія, который дало Германіи девятнадцатое столѣтіе, особенно если вычесть изъ этой цифры элементы буржуазноидные (вышіе служащіе и т. д.) и м. б. еще заключающіеся въ ней мелкобуржуазные элементы.

Мы, впрочемъ, съ меньшимъ трудомъ пришли бы приблизительно къ тѣмъ же цифрамъ, руководствуясь статистикой доходовъ. Эти 35 милліоновъ состоятъ приблизительно изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя обладаютъ доходомъ менѣе 900 марокъ. Въ 1895/96 г. ихъ было въ Пруссіи 21.165.032 или 68,7% всего населенія.

Числовое отношеніе, получаемое для Германіи, приблизительно то же самое и во всѣхъ другихъ странахъ съ капиталистической культурой. Несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что чисто про-

летарскіе элементы (въ употребляемомъ здѣсь техническомъ смыслѣ) становятся все многочисленнѣе, въ той мѣрѣ, какъ все шире распространяется капиталистическая система хозяйства.

Масса пролетаріата уже теперь настолько велика, что особенности ея существованія, а главнымъ образомъ состояніе пролетарской психологіи, пріобрѣтаетъ все болѣе рѣшительное вліяніе на характеръ всего общества.

У соціологовъ и культуръ-философовъ является, благодаря этому, возрастающій интересъ достигнуть пониманія пролетарскаго міра. Здѣсь мы предпринимаемъ первый опытъ въ этомъ направленіи, стараясь изобразить особенности существованія пролетаріата и его психологіи съ единообразной точки зрѣнія.

Если мы хотимъ узнать, что изъ себя представляетъ въ духовномъ отношеніи пролетарій, то лучше всего выяснить, чего ему недостаетъ. А узнаемъ мы это прежде всего, изслѣдовавъ, чѣмъ онъ пересталъ быть, я хочу сказать, — что онъ потерялъ съ теченіемъ времени и благодаря развитію тѣхъ условій жизни, которыя ему присущи. (Почему онъ это потерялъ, почему онъ вообще идетъ особеннымъ путемъ развитія, — объясненіе сего составляетъ задачу теоріи капитализма, а здѣсь мы можемъ лишь слегка коснуться вопроса).

На первый планъ выступаетъ тотъ удивительный фактъ, что пролетаріатъ является типическимъ представителемъ породы людей, не имѣющей никакого отношенія — ни внутренняго, ни вышняго — къ сущности, которую Богъ вложилъ въ человѣка. По крайней мѣрѣ нѣтъ ея тамъ, гдѣ капитализмъ привлекъ населеніе въ большіе города и промышленные центры, гдѣ прежде всего и приходится считаться съ специфическимъ ростомъ пролетаріата. Дитя рабочихъ не знаетъ болѣе таинственныхъ прелестей, которыя природа открываетъ тысячами способовъ мальчику-пастуху. Оно не знаетъ пѣнія птицъ, оно никогда не разрушало птичьяго гнѣзда. Оно не знаетъ, что означаетъ движеніе облаковъ на небѣ, оно не слышитъ голоса бури и грома. Оно уже не растетъ въ обществѣ домашнихъ животныхъ и не знаетъ ихъ привычекъ. Оно теряетъ инстинктъ самосохраненія. Тогда какъ человѣкъ земли находитъ естествен-

ный выходъ въ тысячѣ случайностей первобытнаго существованія, сынъ фабрики потерялся бы при подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ не знаетъ того, чему его не научили школа или книги, не говоря уже о дурныхъ привычкахъ, которыя онъ приобрѣтаетъ на улицѣ въ общеніи съ себѣ подобными. Такъ онъ теряетъ всякое соприкосновеніе съ природой. Ритмъ его жизни не опредѣляется уже вѣчными явленіями природы: днемъ и ночью, лѣтомъ и зимой. Ритмъ его жизни становится искусственнымъ, если вообще она не лишается всякаго ритма и не протекаетъ въ скучномъ однообразіи. Онъ живетъ искусственной жизнью, которая перестаетъ быть первобытнымъ существованіемъ, но становится сложной комбинаціей школьнаго обученія, карманныхъ часовъ, газетъ, зонтиковъ, книгъ, канализаціи, политики и электрическаго свѣта.

Но пролетарій терлетъ не только вообще близость къ природѣ. Онъ теряетъ и близкія отношенія къ той обстановкѣ, гдѣ онъ игралъ ребенкомъ, гдѣ схоронилъ своихъ родителей, гдѣ ухаживалъ за своей возлюбленной, основалъ свой очагъ, т. е. къ своей родинѣ. «У пролетарія нѣтъ отечества»,—вѣрно, у него нѣтъ родины, гдѣ бы онъ укоренился, куда бы постоянно возвращались его мысли и воспоминанія, родины, которая бы наложила на него своеобразный отпечатокъ. Поэтому у него отсутствуютъ всѣ тѣ нѣжныя, чувствительныя черты, которыя мы такъ часто встречаемъ въ другихъ группахъ населенія.

У пролетарія нѣтъ родины. Или долженъ ли онъ чувствовать себя какъ дома въ скучной улицѣ предмѣстья, въ четвертомъ этажѣ во дворѣ? Или

въ дымномъ, душномъ промышленномъ городѣ, куда его загналъ капитализмъ безъ выбора съ его стороны, съ цѣлой кучей ему подобныхъ; даже не загналъ,—это выраженіе напоминаетъ о загоняемомъ скотѣ,—а свалилъ въ кучу, какъ груды камней. Развѣ «каморка», въ которой помѣщается вся семья, стѣна объ стѣну съ сотнями другихъ семей, родина? А изъ статистики жилищъ мы знаемъ, что половина и болѣе населенія большихъ городовъ, слѣдовательно, навѣрное, три четверти наемныхъ рабочихъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи въ качествѣ жилья не болѣе каморки. Пролетарій не располагаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время даже и тѣмъ кубическимъ пространствомъ, которое едва ли заслуживаетъ названіе жилища (мы познакомимся съ нимъ еще ближе), помѣщеніемъ, тѣснога, запущенность и переполненность котораго исключаютъ всякую мысль объ удобствахъ и уютности, помѣщеніемъ, гдѣ нѣтъ мѣста и для пары цвѣточныхъ горшковъ, которые могли бы ласкать взоръ.

Обыкновенно онъ перетаскивается изъ одного «жилища» въ другое, потому ли что поругался съ квартирохозяиномъ или потому, что перемѣнилъ мастерскую.

Въ такомъ городѣ, какъ Бреславль, ежегодно около 200.000 лицъ мѣняютъ квартиры; естественно, что это большею частью пролетаріи.

Кочуя изъ каморки въ каморку въ предѣлахъ одной и той же мѣстности, пролетарій кочуетъ также изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, смотря по тому, куда его призываетъ «конъюнктура», требующій рабочихъ капитализмъ. Населеніе нашихъ культурныхъ странъ, благодаря

главнымъ образомъ непостоянству положенія пролетаріата, находится въ безпрестанномъ движеніи.

Въ большихъ городахъ ежегодно появляются сотни тысячъ пришельцевъ (въ Берлинѣ 2-300.000) и добрая часть ихъ уходитъ обратно. Цѣлыя провинціи перекочевываютъ въ другія части Имперіи въ поискахъ за работой: силезцы въ лѣтнее и осеннее время идутъ въ Саксонію, на Западъ; жители Галиціи, поляки, заполняютъ ихъ очистившіяся мѣста. Итальянцы строятъ наши желѣзныя дороги, строятъ дома въ Цюрихѣ или Марселѣ. Если эти странствующие рабочіе и возвращаются регулярно на свою «родину» (съ которой они однако порвали внутреннюю связь, благодаря постоянному кочеванію), то ежегодно снова миллионы рабочихъ навсегда покидаютъ родную деревню, чтобы искать себѣ пропитаніе гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Прежнія отношенія расселенія, длившіяся столѣтіями благодаря этому, перемѣшиваются. Національности, жившія раздѣльно, смѣшиваются одна съ другой: чехи занимаютъ въ Богеміи, въ Нижней Австріи старыя нѣмецкія земли, поляки прочно осѣдаютъ въ Вестфаліи, настоящая смѣсь народовъ покрываетъ еще не заселенныя или слабо заселенныя страны какъ Сѣв. Америка, гдѣ въ послѣднемъ году высадилось болѣе миллиона эмигрантовъ, большею частью русскихъ, австрійцевъ, итальянцевъ.

«У пролетарія нѣтъ отечества». Лишенный родины, безъ усталости слоняется онъ по землѣ. Не имѣя родины, онъ теряетъ всѣ сердечныя отношенія къ родинѣ, теряетъ и всякую мѣстную окраску, пріобрѣтаемую постоянной осѣдлостью. Его родина—мірѣ. Онъ человѣкъ всего міра. Онъ не

знаетъ запаха земли, онъ лишился чувства конкретности; едва еще онъ сохранилъ особый языкъ. Но и языкъ онъ теряетъ въ такой мельницѣ народовъ, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Здѣсь совершенно различныя народности попадають въ огромную мельничную воронку и, спустя немногія десятилѣтія, выходятъ изъ нея какъ вполнѣ однообразная масса, говорящая только *однимъ* языкомъ; тѣ же возрѣнія, тѣ же моды, тѣ же пѣсни тамъ, гдѣ прежде господствовало крайнее разнообразіе.

Порывается и послѣдняя связь съ конкретнымъ міромъ благъ,—индивидуальное владѣніе.

Огромная масса населенія въ сущности ничего не называетъ нынѣ своей собственностью,—это явленіе, которое можно наблюдать только при глубокомъ умиленіи. Въ прежнее время и бѣднѣйшіе люди владѣли собственностью въ видѣ клочка земли, домишки, пары домашнихъ животныхъ,—бездѣлица, къ которой они однако могли привязываться всѣмъ сердцемъ. Нынѣшній пролетарій, по крайней мѣрѣ въ значительной массѣ,—ничего этого не имѣетъ. Въ тачкѣ помѣстится весь его скарбъ, если рабочее семейство переѣзжаетъ на квартиру. Куча стараго хлама—вотъ все, чѣмъ въ состояніи оно поддерживать свое существованіе.

Если для пролетарія все равно, что не существуютъ установившіяся тысячелѣтіями отношенія между человѣкомъ и природой, между человѣкомъ и міромъ благъ земныхъ, отношенія, на коихъ зиждилась доселѣ всякая культура, то не лучше обстоитъ у него дѣло и по части освященныхъ вѣками взаимоотношеній между людьми. Желѣзной рукой капитализма разрушены всѣ тѣ общества, которыя въ прежнее время хотя и стѣсняли, но въ то же время поддерживали и защищали человѣка, особенно средняго человѣка въ массѣ, въ хозяйственномъ и моральномъ отношеніи. Пролетарій знаетъ такъ же мало о сельскомъ обществѣ и родовой общинѣ, какъ и о семейной, такъ же мало о профессиональномъ товариществѣ, какъ и о рабочемъ сообществѣ. Онъ изолированъ, обреченъ на одиночество, связанъ со своими товарищами не тѣснѣе, чѣмъ отдѣльныя песчинки въ большой кучѣ песка другъ съ другомъ. Онъ подобенъ листу древесному, гонимому вѣтромъ по полямъ.

* * *

Въ деревнѣ, а также и въ маленькомъ городѣ всѣ жители связаны другъ съ другомъ общностью интересовъ. Правда, крѣпко ругаются они другъ съ другомъ, но въ сущности чувствуютъ себя близкими другъ другу, охотно оказываютъ взаимную поддержку въ нуждѣ и печали. Въ тѣсномъ кругу ихъ нравовъ и обычаевъ, въ которыхъ воспитываются поколѣнія за поколѣніями, каждый